

Klejn Leo S. Archaeological Typology//BAR. Internat. Ser. 1982. N153.

Polenz H. Gedanken zu einer Fibel von Mittellatèneschema aus Kaysery in Anatolien//Bönnner Jahrbucher. 1978. Bd. 178.

Shchukin M. B., Eremanko V. F. Zur Frage der Datierung keltischer Altertümer in Transkarpatengebiet der Ukraine und einige Probleme der Latène Chronologie//AAC (im Druck).

Venclová N. Otažky etnické příslušnosti podmokelské a kobylské skupiny//Archeologické Rozhledy. 1973. R. 25.

В. Е. Еременко, В. Г. Журавлев

**ХРОНОЛОГИЯ МОГИЛЬНИКА ЧАПЛИН
ВЕРХНЕДНЕПРОВСКОГО ВАРИАНТА
ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Могильник Чаплин является самым крупным могильником зарубинецкой культуры: Ю. В. Кухаренко и Л. Д. Поболь раскопано 281 погребение [Ю. В. Кухаренко, 1959; Л. Д. Поболь 1973]. Л. Д. Поболь, исследуя хронологию могильника, выделил раннюю «дофибульную» стадию, генетически связанную, по его мнению, с милоградской культурой. В подтверждение этой гипотезы приведены некоторые черты обработки керамики и погребального обряда [Л. Д. Поболь 1971, с. 166-170, 174]. Несоостоятельность хронологических изысканий Л. Д. Поболя убедительно показана К. В. Каспаровой, Д. А. Мачинским и М. Б. Щукиным [1976], поэтому мы не будем на них останавливаться.

Хронология могильника Чаплин, предложенная А. М. Обломским в III главе диссертации «Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры» [1983а] и частично опубликованная [1983; 1985; 1986], заслуживает детального рассмотрения. Положительной ее стороной является то, что она основана на корреляции типов керамики и фибул, которые, в свою очередь, выделены с помощью математизированного алгоритма последовательного деления на классы. Вместе с тем ошибки в определении границ между группами значений признаков, повторяющиеся как в разделе, посвященном типологии керамики (см. статью [Г. Г. Абезгауз, В. Е. Еременко, В. Г. Журавлев, С. Ю. Каргопольцев в настоящем сборнике]), так и в разделе о фибулах [С. П. Пачкова 1988, прим. на с. 11, 18], отсутствие разделения погребений по полу и возрасту при исследовании хронологии позволяют сомневаться в адекватности фаз, полученных А. М. Обломским, исследуемому материалу. Некоторые несоответствия в его хронологии видны, что называется, невооруженным глазом. Например, I фаза характеризуется фибулами с треугольным щитком, и лишь в конце ее появляются провололочные среднелатенские

типа Г2 по типологии Ю. В. Кухаренко — А. М. Обломского [А. М. Обломский 1983а, с. 10-11], то есть варианта В-Костшевский в общепринятых терминах [J. Kostrzewski 1919, Abb. 2]. Поскольку и для могильника Воронино, и для Чаплина, как мы увидим ниже (рис. 3), фибулы с треугольным щитком — типично женский признак (в погребениях с женским инвентарем обнаружены и прототипы этих фибул в Югославии [Z. Magić 1968, Tabl. V, 1-22, VII, 16-37]), мы вынуждены заключить, что весь II в. до н. э. на могильнике хоронили исключительно женщин, и лишь на рубеже II-I вв. до н. э. начали хоронить мужчин.

Вызывает возражения и столь поздняя датировка появления фибул В-Костшевский: к рубежу II-I вв. до н. э., то есть к началу латена D₁, они уже вышли из употребления практически во всех латенизированных культурах, как и в собственно латенской [K. Godłowski 1977, s. 167, 186], и появиться в зарубинецкой культуре в это время им просто неоткуда. Исключение составляют, пожалуй, лишь позднескифские памятники, где фибулы среднелатенской конструкции обнаружены даже в комплексах I в. н. э. — например, в Красном Маяке¹, но они отделены от территории зарубинецкой культуры сарматами [К. Ф. Смирнов 1984, рис. 28], у которых нет фибул среднелатенской конструкции в столь поздних комплексах.

Принципиальные возражения вызывают и «широкие» датировки латенских фибул, основывающиеся у А. М. Обломского на обновлении завышенной хронологической схемы Я. Филила — Р. Хахмана — А. К. Амброза, которая в настоящее время кардинально пересмотрена в сторону удревнения [K. Godłowski 1977, s. 45-60, M. B. Shchukin 1989, p. 18-30; M. B. Shchukin, V. E. Eremenko, im Druck]. Главной причиной, побуждающей нас вновь обратиться к исследованию хронологии могильника Чаплин, являются именно принципиальные расхождения с А. М. Обломским в вопросе о применимости к материалам зарубинецкой культуры датировок европейской хронологической системы латена: нам представляется, что если нет комплексов, свидетельствующих о запаздывании тех или иных общеевропейских типов вещей на территории Поднепровья по сравнению с другими латенизированными культурами, нет и оснований для более поздней или более широкой датировки этих вещей.

Кроме того, отказываясь применять достаточно узкие даты латенских типов фибул и значительно расширяя их, мы, по существу, лишаемся возможности определить, одновременно ли с ранними могильниками на Полесье и в Среднем Поднепровье был заложен Чаплин, а этот вопрос имеет принципиальное значение.

¹ Пользуюсь случаем поблагодарить автора раскопок О. А. Гей за предоставленную информацию.

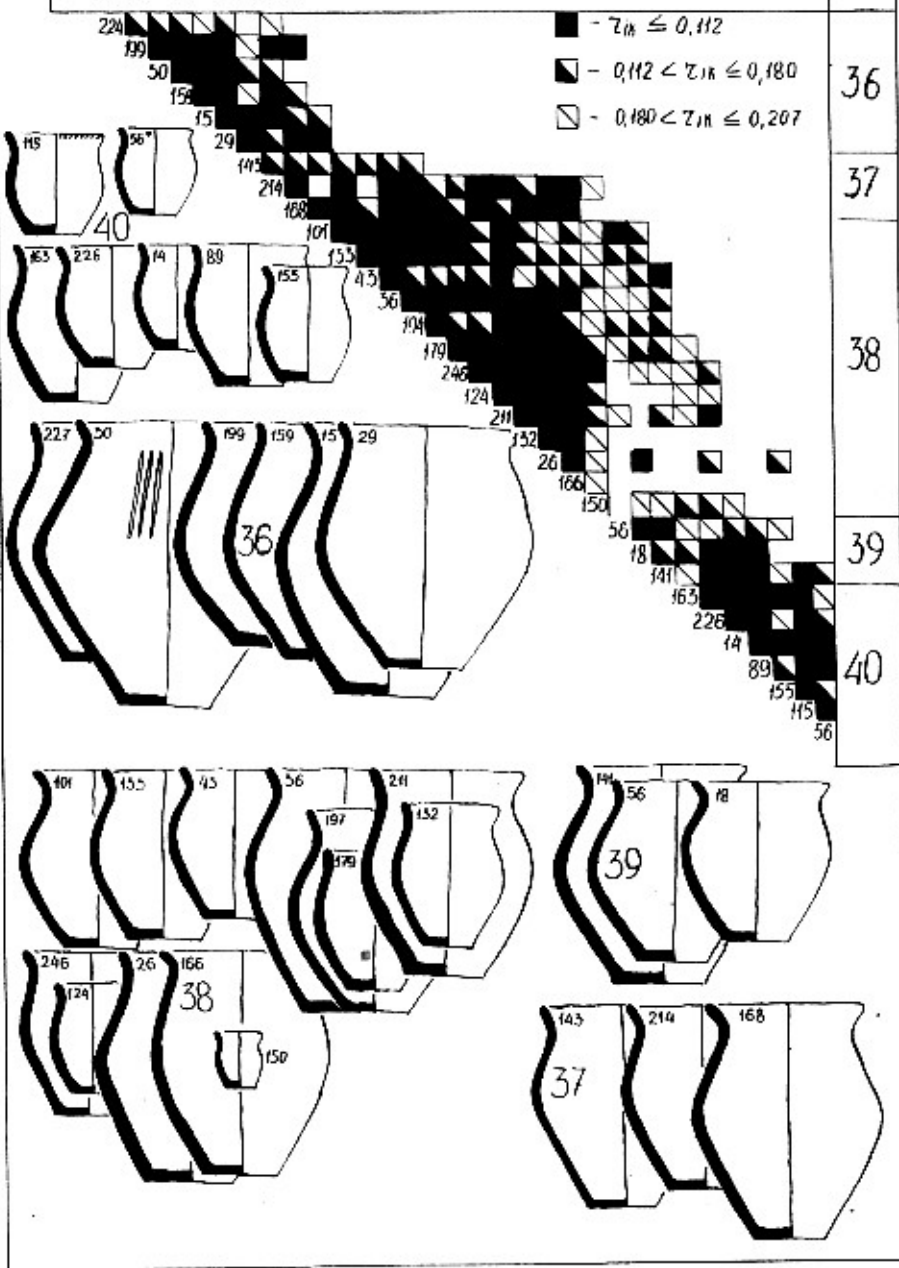
Кластеры мисок могильника Чаплин

№ кластера	№№ погребений	№ кластера	№№ погребений
1	23, 94	20	203, 268, 264, 179, 29
2	103, 221, 254		222, 36, 269
3	27, 150	21	114, 118
4	116, 39, 205, 10	22	28, 1, 4, 248, 246
5	98, 84, 128, 156 126, 123	23	275, 213, 236, 260, 146
6	58, 149, 54, 53, 72		56, 218, 62, 241, 169
7	75, 184, 93	24	211, 141
8	209, 110		70, 278, 263, 139, 183
9	112, 9, 119, 214	25	48, 99, 162
10	65, 30, 108, 109, 11 12, 225, 89, 100, 117 243, 73, 173, 175, 280 132, 101	26	265, 272
11	277, 34, 125	27	145, 152*, 210, 252, 231, 178, 134
12	197, 225	28	216, 182, 204
13	109*, 212, 94*	29	111, 106, 40, 161
14	12, 41, 159, 15, 142, 43 143, 230, 96, 165	30	201, 192, 24
15	113, 63, 244, 257, 22 151, 130, 226, 256	31	59, 97, 196
16	194, 191, 144	32	19, 168, 207, 95
17	85, 60, 91, 261	33	185, 131, 44a, 267, 148
18	31, 251, 224, 234, 16, 63*	34	136, 249, 115
19	55, 140, 250, 147, 120, 152, 245, 240, 35, 129, 167, 50, 104, 258, 208, 33	35	49, 83, 38
			238, 163, 18, 86, 228

Для типологии чаплинской керамики нами применен кластерный метод, разработанный на материалах могильника Воронино (см. статью [Г. Г. Абезгауз, В. Е. Ерёменко, В. Г. Журавлев, С. Ю. Каргопольцев в настоящем сборнике]). С помощью этого метода выделено 35 кластеров мисок (№№ 1-35, табл. 1) и 5 кластеров горшков (рис. 1). Большой размер матрицы кластеров мисок (181 позиция) не позволяет привести ее полностью, и мы даем лишь конечный результат, сохранив последовательность кластеров (табл.).

Нумерация кластеров сосудов и других типов вещей принята сквозная: каждый кластер и тип обозначен как хронологический индикатор с соответствующим номером.

Для типологии среднелатенских фибул использована общепринятая европейская схема Я. Костшевского [J. Kostzewski 1919]. В погребениях могильника Чаплин обнаружены три типа таких фибул: В-Костшевский (рис. 2,64), G/H-Костшевский (рис. 2,65) и фибулы, по схеме близкие В-Костшевский, но с расплющенной, узкопластинчатой спинкой (рис. 2,72).

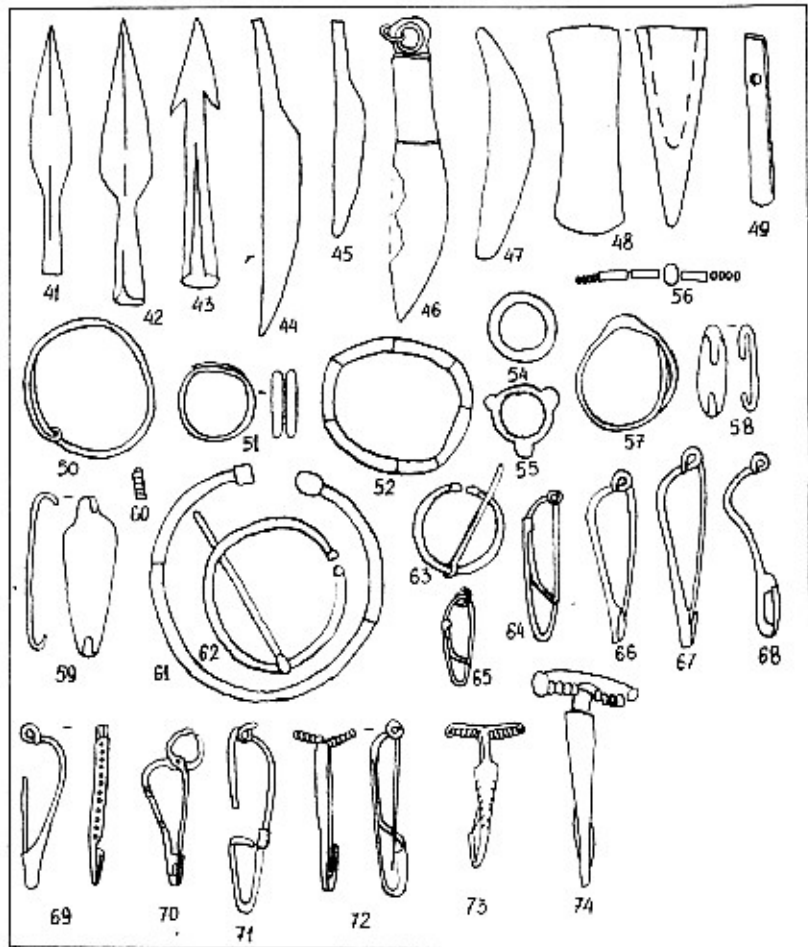

Рис. 2. Типы металлического инвентаря и некоторых других вещей.

Для типологии позднелатенских фибул, близких вариантам М. N. О-Костшевский, можно было бы применить типологические уточнения, сделанные К. В. Каспаровой [1981а, с. 15] или вовсе отказаться от типологии Й. Костшевского, как это сделали Ю. В. Кухаренко [1964] и А. М. Обломский [1983], но мы решили пойти другим путем, используя более общее типологическое членение по степени прогнутости спинки. По этому признаку фибулы позднелатенской конструкции могут быть разделены на три группы: непрогнутые (рис. 2,66), слабопрогнутые (рис. 2,67) и сильнопрогнутые (рис. 2,68). Причины, побудившие нас сгруппировать эти фибулы именно по степени прогнутости, станут ясны ниже.

В отдельные типы выделены подвзвизные (рис. 2,71) и шипцовая (рис. 2,70) фибулы, а также позднелатенская фибула с пластинчатой спинкой (рис. 2,69).

В типологии фибул с треугольным щитком мы следуем за А. К. Амброзом [1966]. Его типология, несомненно, нуждается в уточнении путем измерения параметров фибул. Но с поправками, сделанными А. М. Обломским [1986], вряд ли можно согласиться ввиду сомнительного способа разграничения групп значений признаков [С. П. Пачкова 1988, прим. на с. 11, 18]. Разработки С. П. Пачковой [1988] представляются гораздо более основательными, но, к сожалению, в ее статье не дана итоговая таблица разбивки фибул по вариантам, что не позволяет воспользоваться ее поправками.

Если обратиться к графикам пропорций фибул с треугольным щитком, предложенным А. М. Обломским [1986, рис. 1] и С. П. Пачковой [1988, рис. 4], нетрудно отметить, что отношение ширины щитка к его длине дает нормальное распределение, а достаточно четкое различие по соотношению длины щитка к длине свободного конца ножки позволяет лишь отделить I вариант от II, III и IV, причем последние три варианта и по этому параметру дают нормальное распределение и практически неразделимы. Кстати, границы на графиках такого рода могут проводиться только одним математически оправданным способом — в виде прямых, выходящих из начала координат, делящих координатное поле на ряд секторов, причем прямые проводятся в местах наибольшего разряжения признаков. Поэтому границы между группами значений признаков, проведенные А. М. Обломским [1986, рис. 1], неверны и с точки зрения формальных математических методов.

Вернемся к фибулам могильника Чаплин. А. К. Амброз отнес к I варианту фибулы из погребений 16, 67 и 72 [1966, с. 16]. В погребении 67 фибул нет: по-видимому, имелось в виду погребение 76, в котором как раз найдены две железные фибулы, соответствующие описанию А. К. Амброза [Л. Д. Пюболь 1973, с. 91, рис. 30,14,15]. А. М. Обломский добавил к этому фибулы из погребений 103, 201 и 255 [1986, табл. 1]. По своим удлиненным пропорциям и отсутствию четкого деления щитка и свободного конца ножки они, в отличие от фибул I варианта из могильников Воронино и Велемичи, близки II варианту (см. [А. М. Обломский 1986, рис. 2, 1—4]). Резких отличий между I и II вариантами в могильнике Чаплин нет, поэтому при корреляции удобнее обозначить их как вариант I-II (рис. 2,73). Различия между II и III вариантами еще более условны, поэтому они обозначены как вариант II-III (рис. 2,74).

Подковообразные фибулы разделены на три типа путем статистического исследования их диаметра: большие (диаметр больше 9 см), средние (диаметр от 6 до 9 см) и маленькие (диаметр меньше 6 см — см. рис. 2,61-63). Типология копий принята

по Р. и М. Волангевич (рис. 2,41-42) [R. a M. D. Wołagiewiczowie 1963]. Ножи разделены на 4 типа: с горбатой спинкой короткие (рис. 2,45) и удлиненных пропорций (рис. 2,44), серповидные (рис. 2,47). Железный нож с бронзовой рукоятью и кольцом на ней выделен в отдельный тип (рис. 2,46). В корреляционных таблицах учтены также точила, топоры—кельты, поясные крючки двух типов, кольца четырех типов и наборы бус (рис. 2,49-54).

Прежде, чем исследовать хронологию могильника Чаплин корреляционным методом, необходимо разделить погребения на женские и мужские (см. статью [И. А. Бажан, В. Е. Ерёменко в настоящем сборнике]). Это сделано путем изучения встречаемости категорий инвентаря и некоторых признаков погребального обряда (рис. 3). При этом признаки №№ 1-5 оказались мужскими, 12-19 — женскими, а 6-11 — характерными для обеих групп погребений. Таким образом, мужские погребения характеризуются наличием наконечников копий, дротиков, топоров-кельтов, ножей, точил, кусочков кремня-огнив и подковообразных фибул; женские — наличием пронизей, миниатюрных сосудов, браслетов, колец, бус (без учета бисера), фибул с треугольным щитком, нескольких фибул в одном погребении (последний признак характерен и для собственно кельтских женских погребений [J. Waldhauser 1987, Abb. 5,14, 16]). Интересно отметить, что погребения, определенные Т. С. Кондукторовой как детские по остаткам сожжений, в большинстве своем (22 из 26) оказались включенными в группу женских (рис. 3), что, по-видимому, свидетельствует о том, что маленьких детей хоронили по обряду матерей независимо от пола.

Деление погребений на женские и мужские по содержанию категорий инвентаря достаточно условно: здесь необходимо учитывать как нечеткость перехода от одной группы погребений к другой (рис. 3), так и отсутствие независимых критериев проверки. Вместе с тем только с помощью этого деления мы можем исследовать хронологию женских и мужских погребений раздельно, путем изучения корреляции типов вещей в погребениях каждой группы. Методика такого исследования изложена в статье [Г. Г. Абезгауз, В. Е. Ерёменко, В. Г. Журавлев, С. Ю. Каргопольцев в настоящем сборнике].

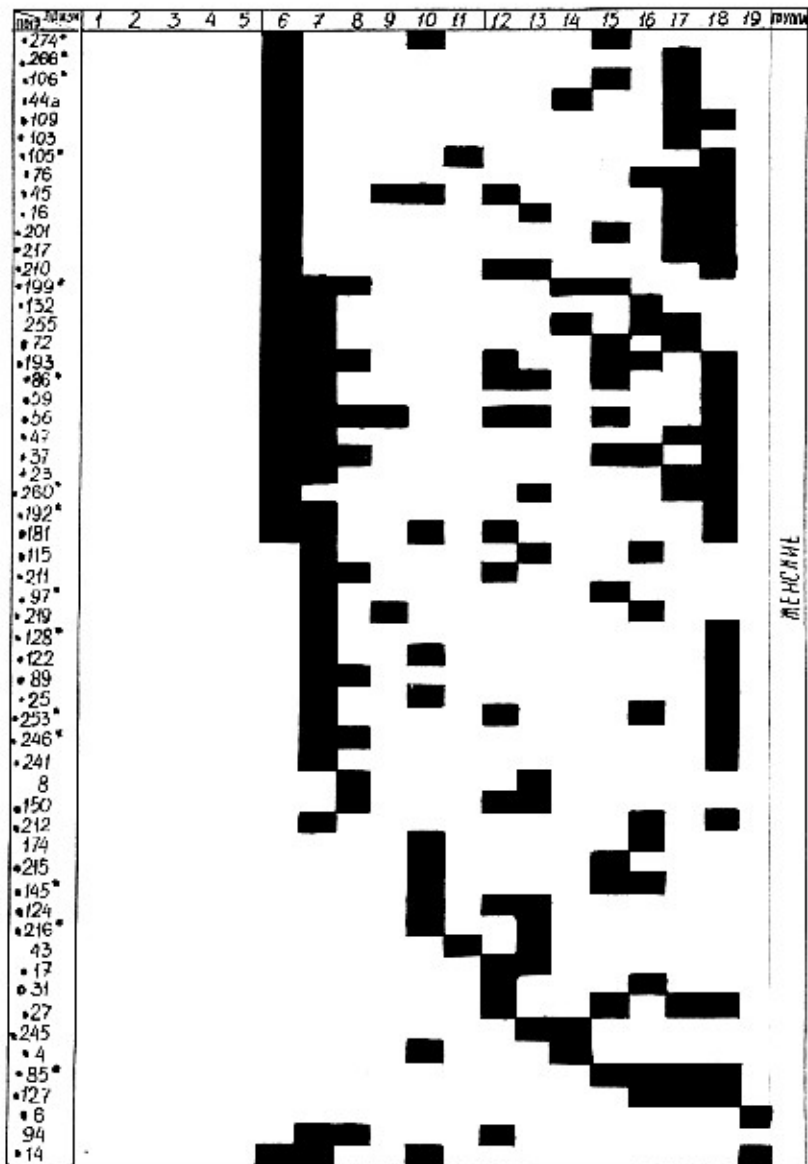
На материалах могильника Чаплин выделено 4 фазы мужских и 5 фаз женских погребений (рис. 4; 5). Из 74 типов вещей, учтенных в корреляции, лишь 16 встречается и в мужских, и в женских погребениях, что практически сводит на нет возможность синхронизации фаз друг с другом по этим типам. Поэтому приходится соотносить с европейской хронологией периодизацию мужских и женских погребений по отдельности и лишь после этого синхронизировать их друг с другом.

Фазы могильников латенизированных культур позднего предримского времени (далее IIIВ) можно синхронизировать и со ступенями латена, и с фазами собственно IIIВ. На

№ пог.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	Пол
154, 272																				МУЖСКИЕ
• 36																				
• 189																				
• 20																				
223, 256																				
• 70																				
• 40																				
244, 99																				
• 252																				
• 113																				
• 9 258																				
• 204																				
• 18																				
• 224																				
220, 15																				
• 30																				
• 168																				
• 156																				
• 55																				
• 277																				
• 119																				
75, 174																				
• 15																				
• 194 242																				
265, 269																				
• 250																				
• 42																				
• 131																				
• 234																				
• 240																				
• 142																				
• 50																				
• 173																				
• 58																				
• 90																				
• 184																				
• 191																				
• 261																				
• 152																				
• 125																				
129																				
• 117																				
• 120																				
• 137																				
• 54																				
• 229																				
• 184																				
• 179 262																				
• 153																				
• 182																				
• 157																				
• 72																				
• 254																				
• 147																				
• 121																				
• 107																				
• 188																				
• 278																				

Рис. 3. Корреляция некоторых признаков обряда и категорий погребального инвентаря.

Признаки: 1. Копье, топор; 2. Огниво, кремьнь; 3. Подковообразная фибула; 4. Нож; 5. Точило; 6. Остатки погребального костра (уголь, зола); 7. Проволочная латенская фибула; 8. Горшок; 9. Кости черепа в погребении; 10. Круглая яма; 11. Яма не ориентирована по линии северо-запад – юго-восток; 12. Пронизи; 13. Миниатюрные сосуды; 14. Браслет; 15. Кольца; 16. Бусы (кроме бисера); 17. Фибула с треугольным шитком; 18. Две и более фибул в погребении; 19. Пест, зернотерка. Звездочкой отмечены детские погребения по определениям Т. С. Кондукторовой.

ЖЕНЩИНЫ

Рис. 3. Продолжение.

обоих путях перед нами встает ряд трудно преодолимых в рамках этой статьи препятствий. Первое из них заключается в том, что Р. Хахман при выделении фаз ИПВ по каким-то причинам отказался от применения корреляционного метода сравнения

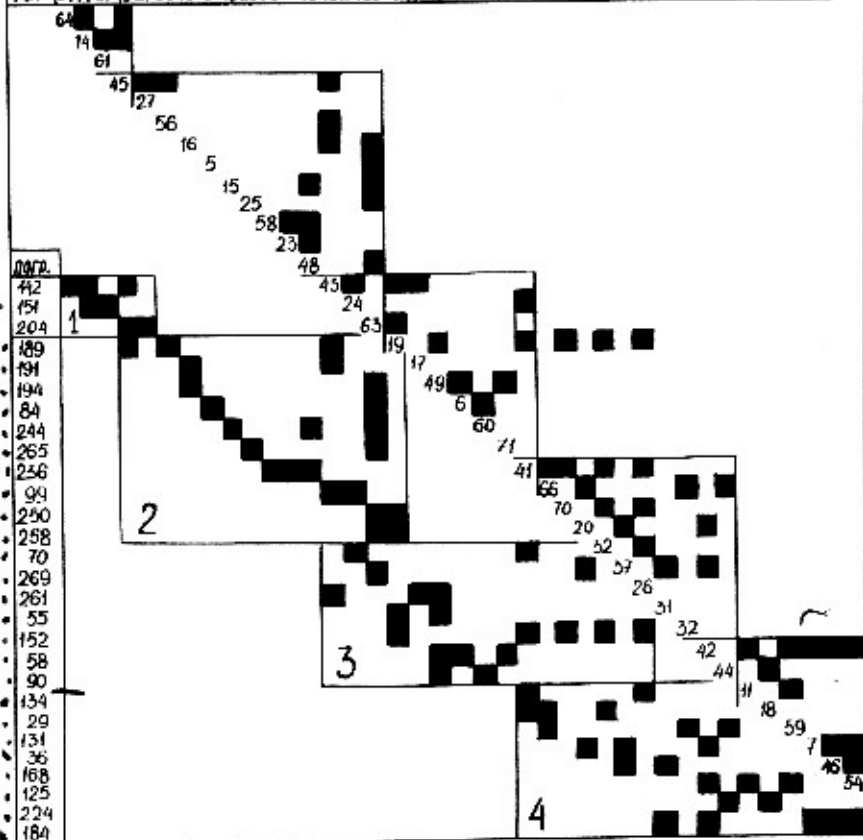

Рис. 4. Корреляция хронологических индикаторов мужских погребений (номера ХИ соответствуют номерам на табл. 1, рис. 1, 2).

фаз отдельных могильников, и поэтому описание фаз ППВ в заключительной главе его книги [R. Nachmann 1961, S. 231-240] явно проигрывает в строгости метода и точности группировки материала предшествующим главам, в которых исследуются конкретные могильники. Реальное содержание фаз ППВ, таким образом, может существенно отличаться от того, что вкладывал в них Р. Хахман. Восполнить этот досадный пробел нетрудно путем корреляции между собой фаз могильников, выделенных им, но это уже тема специального исследования [М. Б. Шукин, В. Е. Ерёмченко, в печати].

Второе препятствие состоит в том, что некоторые фибулы (например, В-Костшевский), бытуют в зарубинецкой культуре значительно дольше, чем в других латенизированных. Это, по-

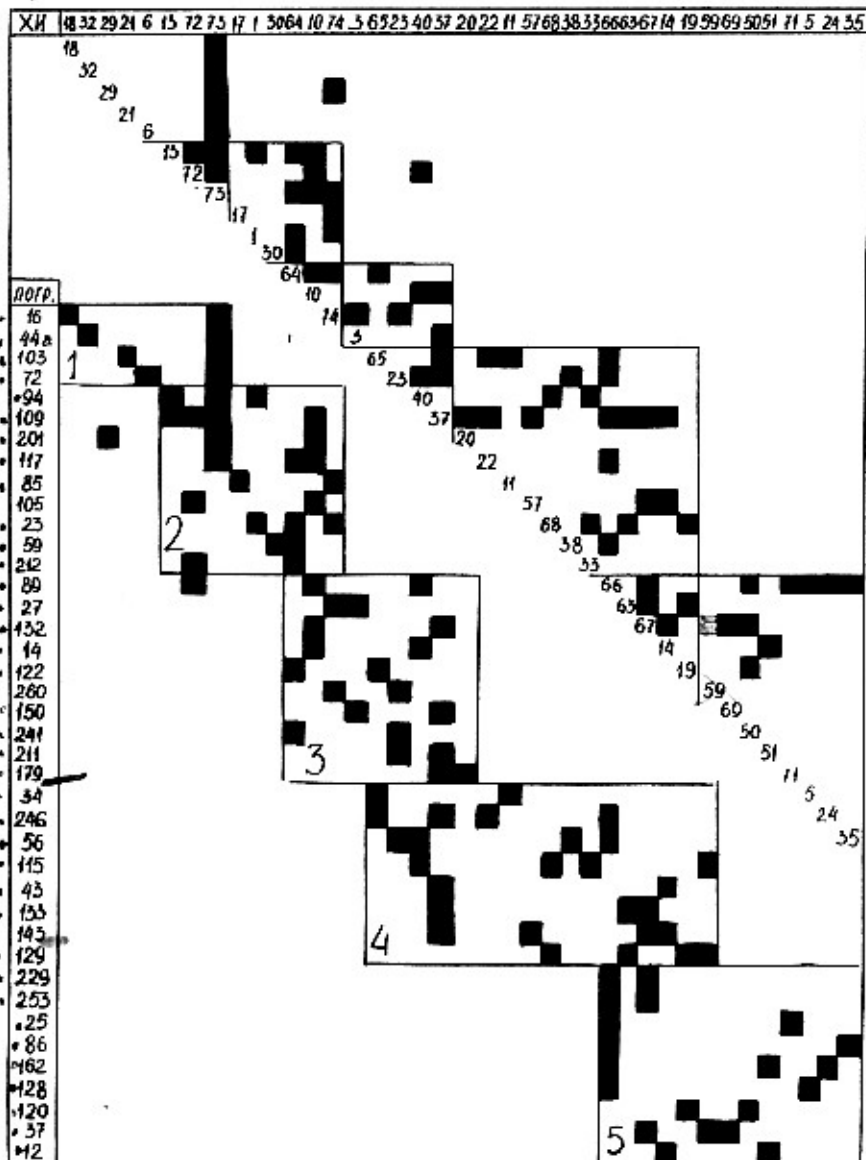

Рис. 5. Корреляция хронологических индикаторов женских погребений (номера ХИ соответствуют номерам на табл. 1, рис. 1, 2).

видимому, объясняется нарушением связей с ними где-то еще на ступени С₂ (отсутствие фибул вариантов С, F, малочисленность D/E, G/H-Костшевский), продолжающимся вплоть до ступени D₁ (отсутствие вариантов K, L, малочисленность J и на-

хаймских (см. [К. В. Каспарова 1984, с. 115—116]). В-третьих, в зарубинецкой культуре практически отсутствует целый ряд категорий вещей (поясные крючки, умбоны, наконечники копий), путем корреляции которых Р. Хахман выделял фазы могильников ППВ. И, наконец, неясна как типология фибул с треугольным щитком (см. [С. П. Пачкова 1988, с. 10-12]), так и относительная и абсолютная хронология I, II и III вариантов. Эти фибулы редко встречаются со среднелатенскими проволочными (что, кстати, может быть объяснено их принадлежностью к разным костюмам — мужскому и женскому). Эволюционная типохронологическая схема этих фибул (от фибул с коротким узким щитком, покрывающим часть ножки, к фибулам с длинным широким щитком, покрывающим всю ножку (см. [К. В. Каспарова 1977, с. 74-76; С. П. Пачкова 1988, с. 21, рис. 1]), по-видимому, верна лишь в тенденции. Во всяком случае, судя по их встречаемости между собой и с проволочными фибулами, все они появляются примерно в одно и то же время (в один период относительной хронологии), хотя основное время бытования (максимум находок) каждого варианта несколько различно: раньше всего выходят из употребления фибулы I варианта, позже всего — III [А. К. Амброз 1966, с. 15-16, табл. 1; А. М. Обломский 1986, с. 54-55, табл. 3].

Подытоживая, можно сказать, что в зарубинецкой культуре в целом и в могильнике Чаплин в частности из типов вещей ППВ, которые коррелировал Р. Хахман [R. Nachtmann 1961, Taf. 1-14], представлены лишь немногие, причем как правило те, что есть и в собственно латенской культуре. Поэтому на данном этапе удобнее синхронизировать фазы Чаплина со ступенями латена, абсолютные датировки которых в настоящее время значительно полнее аргументированы, чем фаз ППВ [М. В. Shchukin, V. E. Eretenko, im Druck].

Мужские погребения I-ой фазы по удлиненной бронзовой фибуле В-Костшевский из погребения 142 (рис. 6,1) могут быть синхронизированы с латеном C₂ [K. Godłowski 1977, s. 45]. В погребениях этой фазы обнаружены подковообразные фибулы (рис. 6,7,11), характерные для всего времени существования культуры: в могильнике Воронино такая фибула обнаружена в погребении 21, отнесенном к I фазе, по-видимому, синхронизирующейся с латеном C_{1b} [Г. Г. Абезгауз, В. Е. Ерёмченко, В. Г. Журавлев, С. Ю. Каргопольцев, статья в настоящем сборнике, рис. 6,28]. Подковообразные фибулы найдены на позднескифском Каменском городище [Б. Н. Граков 1954, с. 108, табл. XI,8], на городищах раннего железного века Северной Белоруссии [В. И. Шадыро 1985, рис. 40,4,5, 42,6], но их датировка на этих памятниках неясна. Подковообразные фибулы, обнаруженные на скифских памятниках, типологически иные [Л. Д. Поболь 1971, с. 105,108].

Предположение об увеличении диаметра таких фибул с те-

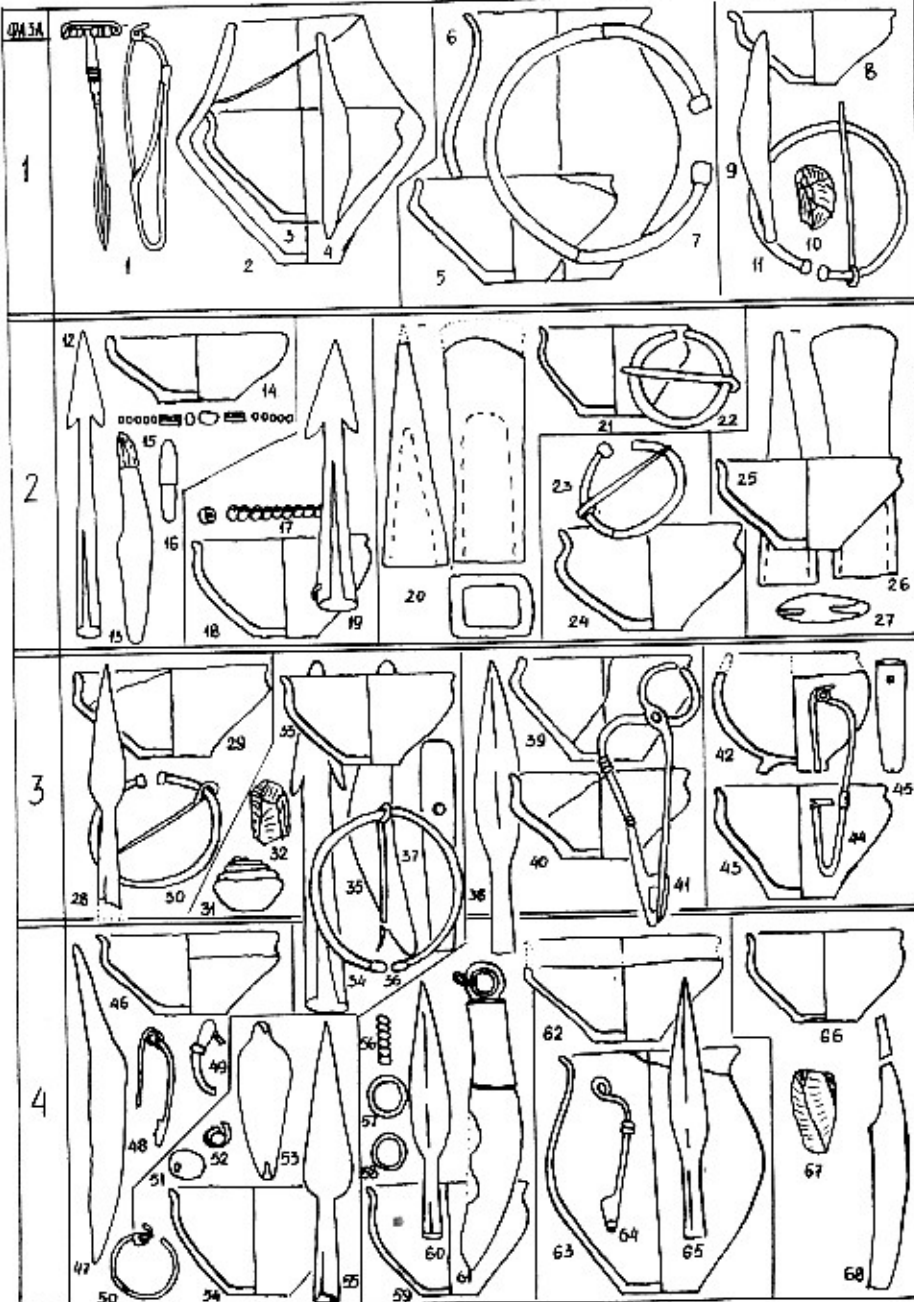
чением времени [Л. Д. Поболь 1971, с. 170] нашими наблюдениями не подтверждается. Они свидетельствуют скорее об обратном: в 1 фазе обнаружены фибулы большего диаметра, чем во 2-й (рис. 6,7,11,22,23). Впрочем, малое количество хронологических наблюдений не позволяет однозначно определить, изменился ли диаметр фибул со временем.

В мужских погребениях 2-ой фазы найдены топоры-кельты (рис. 6,20,26), сравнимые с позднелатенскими [J. Filip 1956, Tabl. CXXVIII,32—34; Z. Woźniak 1970, s. 127—128, Tabl. XL,2), а также наконечники дротиков (рис. 6,12, 19), аналоги которым известны на памятниках раннего железного века Литвы и Калининградской области III-II вв. до н. э. [А. Г. Митрофанов 1978, с. 37], Северной Белоруссии [В. И. Шадыро 1985, с. 62, рис. 37,2,4]. В оксывской культуре подобные дротики сочетаются в закрытых комплексах с позднелатенскими фибулами (R. a M. D. Wołagiewiczowie 1963, s. 31, Tabl. VIII,3, II,3). Скифские дротики, с которыми сравнивает чаплинские Л. Д. Поболь [1971, с. 105], типологически иные, со значительно более длинной втулкой [Л. К. Галанина 1977, табл. 9,15, 10,11,22].

По-видимому, фаза 2 синхронна позднему латену, а точнее — ступени D₁. В этом убеждает нас и то, что следующая, 3-я фаза может быть синхронизирована с концом D₁ и ступенью D₂, в пользу чего свидетельствует находка шиповой фибулы (рис. 6,41) — деривата римского изделия ступени A₁ римского времени, синхронного латену D₂ [М. Б. Шукин, в печати, рис. 3,30; М. В. Shchukin 1989, Part II, III. 4,25] и подвязной (рис. 6,44), аналогичная которой в женском погребении 25 сочетается с фибулой ступени D₂ (рис. 7,66,67) [К. В. Каспарова 1986, рис. 2,16,19, с. 9]. Наконечники копий 3-й фазы находят аналогии в оксывской культуре [К. В. Каспарова 1986, с. 15]. Так, наконечник из погребения 70 (рис. 6,28) близок типу Ib («ланцетовидным»), которые в закрытых комплексах сочетаются с фибулами ступеней D₁ и D₂ [R. a M. D. Wołagiewiczowie 1963, s. 25-26, Tabl. III,12].

Позднелатенские фибулы, появляющиеся в погребениях фазы 4 (рис. 6,48,64), не оставляют сомнений в ее синхронизации с латеном D₂. Эту дату подтверждают и наконечники копий (рис. 6,55,60), сравнимые с вариантом Пс оксывской культуры (R. a M. D. Wołagiewiczowie 1963, s. 28, tabl. XVII,7). В погребении 184 вместе с таким наконечником обнаружен железный нож с бронзовой рукоятью и колечком (рис. 6,41), отнесение которого Л. Д. Поболем к «дофибульной» стадии вызывает удивление, тем более что близкие по форме ножи известны в позднем латене эпохи оппидумов [Л. Д. Поболь 1971, с. 168; Archeologické... 1980, obr. 125].

Вопрос о границе между 3 и 4 фазами проблематичен: обе они содержат вещи, характерные для латена D₂. Но в погребениях 4-ой фазы отсутствуют те типы вещей, которые появляются еще

на ступени D₁, различаются они и по керамическому комплексу, что не составляет сомнений в том, что фаза 4 несколько позже фазы 3.

Хронология женских погребений дает несколько иную картину (рис. 7). В погребениях 1-ой фазы обнаружены фибулы I-II варианта (рис. 7,1,2,4,7,11), которые появляются в зарубинской культуре в среднелатенское время, вероятно, около 180-170 гг. до н. э. [К. В. Каспарова 1984, с. 115, рис. 5].

В погребениях 2-й фазы одновременно с фибулами В-Костшевский (рис. 7,22) получают распространение их местные производные — фибулы со слегка расплющенной, узкопластинчатой спинкой (рис. 7,19) и фибулы варианта II-III (рис. 7,15,27,28).

Фаза 3 отличается от предшествующей по керамике и отсутствию фибул варианта I-II. По-видимому, эти две фазы синхронны концу латена C₂ и ступени D₁, то есть именно тому периоду, когда связи зарубинской культуры с латенской и латенизированными временно прервались.

В погребениях 4-й фазы обнаружены фибулы G/H-Костшевский (рис. 7,43,46), причем в погребении 246 — в сочетании с прогнутой фибулой ступени D₂. В нескольких погребениях найдены прогнутые фибулы (рис. 7,52,54,55) этой ступени.

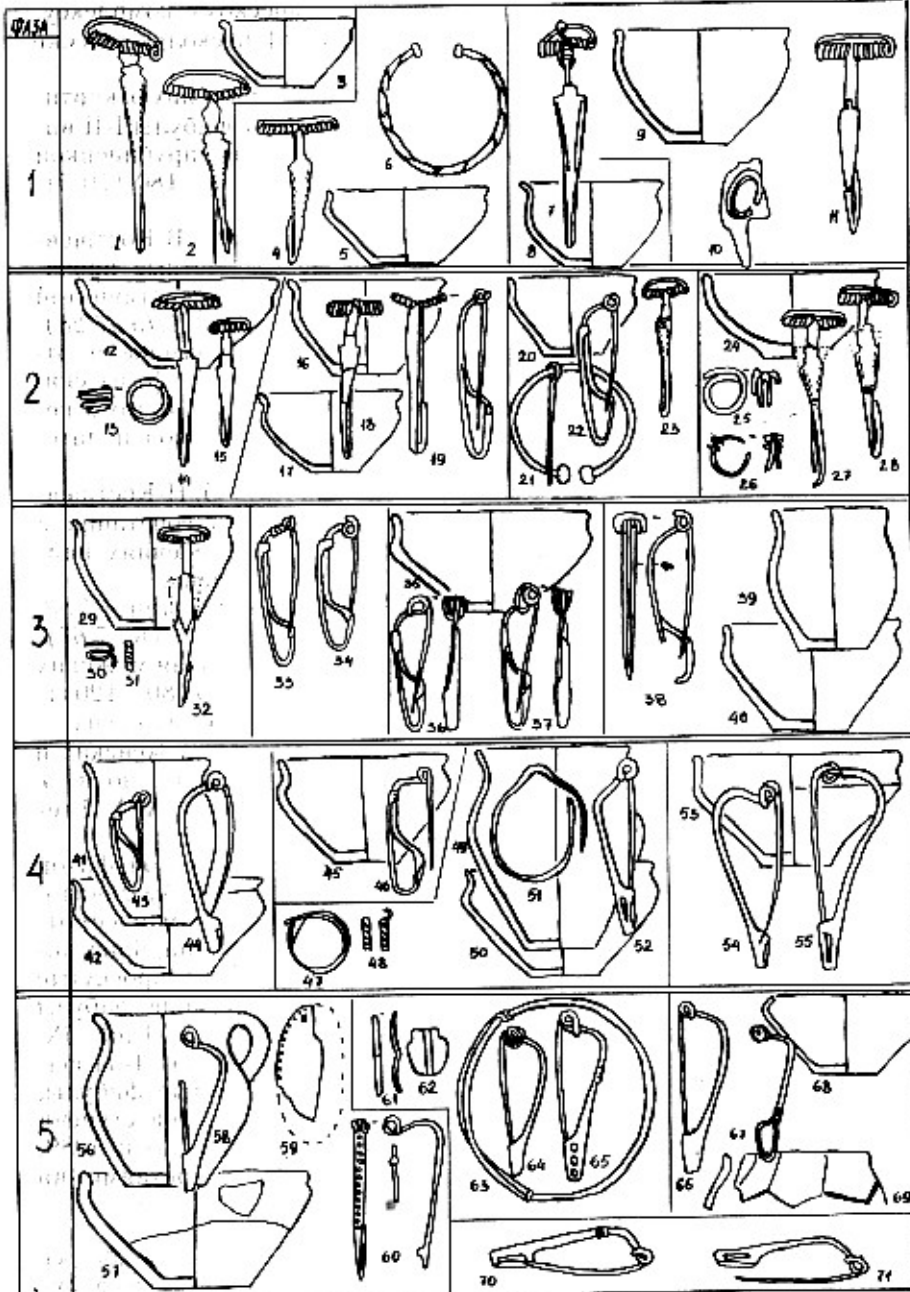
Слабопрогнутые фибулы характерны для фазы 5 (рис. 7,58, 60,64,65,66,70,71), здесь же обнаружена и подвязная (рис. 7,67).

Таким образом, 1-ая фаза женских погребений и 1-ая мужских может быть синхронизирована с латеном C₂, то есть со 180—120 гг. до н. э.; 2-я и 3-я фазы женских и 2-я фаза мужских — с латеном D₁, то есть со 120-60 гг. до н. э.; 4-ая фаза женских и 3-я фаза мужских — с латеном D₂, то есть с 60-15 гг. до н. э. (абсолютные даты периодов латена см. [М. В. Shchukin, V. E. Erepenko, im Druck; М. В. Shchukin 1989, III, 5a]).

Сложнее обстоит дело с 4-ой фазой мужских и 5-ой фазой женских погребений. На первый взгляд, их следовало бы синхронизировать с латеном D₂. Но при более внимательном рассмотрении оказывается, что самые поздние фибулы Чаплина, происходящие из погребений этих фаз — слабопрогнутые и непрогнутые (рис. 6,48,64, 7,60,64-66,70,71), в то время как поздние фибулы ступени D₂ — сильнопрогнутые (K. Godłowski 1977, Tabl. IX, 13,15,30,31), близкие которым в Чаплине соответствуют 4-ой фазе женских погребений (рис. 7,54,55). Слабопрогнутые фибулы, близкие чаплинским, характерны для римского времени ступени A₂ [М. В. Щукин, в печати, рис. 3,35,36; М. В. Shchukin 1989, Part II, III, 4,31]. Слабопрогнутая фибула с отверстиями на

Рис. 6. Хронология мужских погребений.

1—4 — погр. 142; 5—7 — погр. 151; 8—11 — погр. 204; 12—16 — погр. 189;
17—19 — погр. 191; 20—22 — погр. 244; 23—24 — погр. 194; 25—27 — погр. 236;
28—30 — погр. 70; 31—37 — погр. 261; 38—41 — погр. 152; 42—45 — погр. 58;
46—49 — погр. 131; 50—55 — погр. 125; 56—61 — погр. 184; 62—65 — погр. 29;
66—68 — погр. 224.

приемнике из погребения 239 (рис. 7,65) может быть сравнена с раннеримской Альмгрен-68 [М. Б. Шукин, в печати, рис. 3,6].

Все это убеждает нас в том, что последние фазы женских и мужских погребений синхронны уже не латену D₂, а времени доживания латенских традиций в культурах ППВ в условиях распространения влияния провинциально-римской культуры, охватывавшего период от 15 г. до н. э. по 30-40 гг. н. э. [К. В. Каспарова 1986; М. Б. Шукин, в печати], механизм которого остается пока неясным (подробнее см. [М. Б. Шукин, В. Е. Еременко, в печати]).

Таким образом, могильник Чаплин был заложен во II в. до н. э., скорее ближе к его середине или даже концу, о чем свидетельствует малое количество погребений I фазы, и наиболее активно использовался в позднелатенское время, в конце I в. до н. э. — начале I в. н. э., когда было совершено 90 процентов всех датированных погребений. Не противоречат распространению этой датировки на весь верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры материалы поселений и могильника Горошков: изделий, которые могут быть синхронизированы исключительно с латеном C₂, здесь обнаружено исчезающе малое количество, большинство находок синхронизируется с позднелатенским временем [А. М. Обломский 1983а, с. 14-15].

Рассмотрение горизонтальной стратиграфии могильника (рис. 8) лишь отчасти подтверждает картину его хронологического развития от центра к краям, предложенную Л. Д. Поболем [1971, рис. 70] и поддержанную А. М. Обломским [1983а, с. 11]. Самые ранние погребения очерчивают практически всю территорию, использовавшуюся позднее, но вследствие их малочисленности создается впечатление, что более поздние погребения как бы «расширяют» ее. На самом деле может быть выделена лишь одна окраина могильника, освоенная позже других — юго-западная, в районе раскола «и» (рис. 8).

По вопросу о происхождении верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры можно отметить следующее. Если исходить из определения поздней даты поморской культуры по датенским фибулам ступени B₁ [Z. Woźniak 1979, tabl. 3, VIII], закончившейся около 330 гг. до н. э. [М. В. Шчукин, В. Е. Еременко, in Druck; М. В. Шчукин 1989, III. 5a] и немного более поздней датировки конца милоградской культуры по импортам ступени B_{2a} 280-ми гг. до н. э. [В. Е. Еременко 1989], то между этими культурами и ранними комплексами Чаплина ступени C₂ образуется лакуна длительностью от 100 до 150 лет. Это не позволяет

Рис. 7. Хронология женских погребений.

1—3 — погр. 16; 4—6 — погр. 44а; 7—8 — погр. 103; 9—11 — погр. 72; 12—15 — погр. 201; 16—19 — погр. 109; 20—23 — погр. 117; 24—28 — погр. 85; 29—32 — погр. 27; 33—34 — погр. 122; 35—37 — погр. 241; 38—40 — погр. 89; 41—44 — погр. 246; 45—46 — погр. 34; 47—52 — погр. 143; 53—55 — погр. 129; 56—60 — погр. 137; 61—65 — погр. 239; 66—69 — погр. 25; 70—71 — погр. 253.

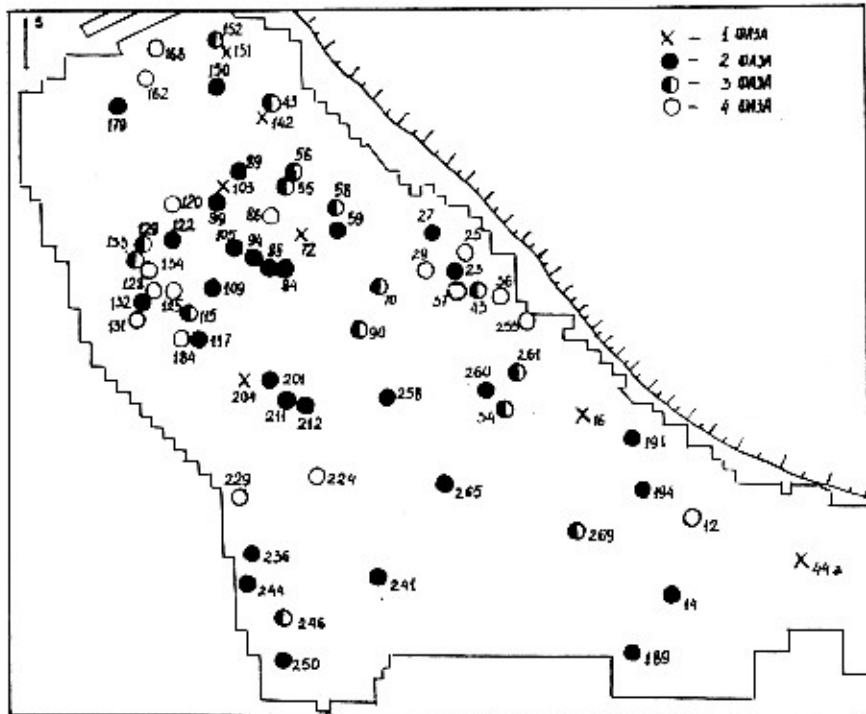

Рис. 8. Горизонтальная стратиграфия могильника.

согласиться с тем, что памятники типа Горошков-Кистени формировались на поморско-милоградской основе [А. М. Обломский 1985а]. Сходство ранней зарубинецкой и, в частности, ранней чаплинской керамики с позднепоморской ничуть не выше, чем с синхронной восточноясторфской, причем существование ясторфской культуры в последних веках до н. э., в отличие от поморской, не вызывает сомнений [В. Е. Ерёмко 1988]. Впрочем, в данном случае выбор аналогий не столь уж важен: массовое использование могильника Чаплин начинается в то время, когда зарубинецкая культура уже сложилась. Во всяком случае, материалы женских погребений мало чем отличаются от женских погребений других вариантов культуры, за исключением отсутствия в Чаплине фибул IV варианта, что, возможно, свидетельствует о нарушении связей с остальной территорией культуры в период их появления, видимо, где-то на ступени D₁ [К. В. Каспарова 1984, рис. 5].

Практически все отличия могильника Чаплин и верхнеднепровского варианта культуры от других заключаются в особенностях мужских погребений — погребений воинов, в которых полностью отсутствует юго-западный, балканский компонент культуры и очень ощутимы позднескифский, оксывский и ясторф-

ский компоненты (кстати, здесь уместно вспомнить о слабой связи мужских и женских погребений по типам вещей — лишь 16 типов из 74, то есть 21 процент, общие и для женщин, и для мужчин).

К проявлению позднескифского компонента могут быть отнесены нагубник (рис. 9,16,35), точила (рис. 9,15,31), игольник (рис. 9,14,36) и, с меньшей степенью вероятности, подковообразные фибулы, браслеты со скользящим замком, сосуды на кольцевых поддонах и миски с загнутым внутрь венчиком (рис. 9,11-13,32-34). Аналоги этим вещам происходят из могил Неаполя Скифского, датированных фибулами неапольского варианта и среднелатенской конструкции [Э. А. Симонович 1983, табл. IX,8, XXII,3,7, XXV,2—5,9, XXXVII,37—39].

Оксывскому влиянию можно приписать обычай помещения оружия в могилы и сами типы наконечников копий и дротиков (рис. 9,17—19,37—39) [R. a M. D. Wołagiewiczowie 1963, Tabl. III,4,12; VII,3; XII,3].

И, наконец, ясторфский компонент представлен поясными крючками (рис. 9,10,20,24) [H. Keiling 1969, Taf. 17,2], топорами — кельтами (рис. 9,2,23) [St. Hvass 1985, Pl. 154a], которые, впрочем, известны и в латенской культуре (см. выше) и керамикой (рис. 9,1,3-9,21-23,25-30), сравнимой с керамикой Ютландии периодов II (III-II вв. до н. э.) и в особенности IIIa (II в. до н. э. — рубеж эр) по К. Беккеру [C. J. Becker 1961, S.290-291, Pl.60d, 71a, 76h, 77k; St. Hvass 1985, Pl. 18h, 133j, 137h].

Дать объяснение появления столь странного симбиоза культурных компонентов в мужских погребениях могильника Чаплин в рамках привычной теории «контактов» вне времени, места, конкретной исторической ситуации было бы нетрудно. Но можно пойти и другим путем — попытаться предложить гипотезу, объясняющую этот «симбиоз», основываясь на некоторых сведениях, донесенных до нас античными письменными источниками о передвижениях древних народов.

В сохранившемся в «Жизнеописаниях» Плутарха фрагменте «Истории» Посидония Апамейского, охватывавшей 145-82 гг. до н. э. [М. И. Ростовцев, 1925, с. 39-40; В. В. Латышев 1904, т. I, с. 487-488], упоминаются кельтоскифы и кимвры на берегах Меотиды. При внимательном прочтении этот фрагмент распадется на две части, судя по всему, смешанных механически. Первую часть мы отметим цифрой (1), вторую — (2). Текст до звездочки принадлежит Плутарху:

Итак: «(1) Кимвры ни с кем не вступали в сношения, а та страна, из которой они явились, была так обширна, что никто не знал, что это за люди и откуда они, словно туча, надвинулись на Италию и Галлию. Большинство предполагало, что

² Отрывок приведен в переводе С. Ошерова

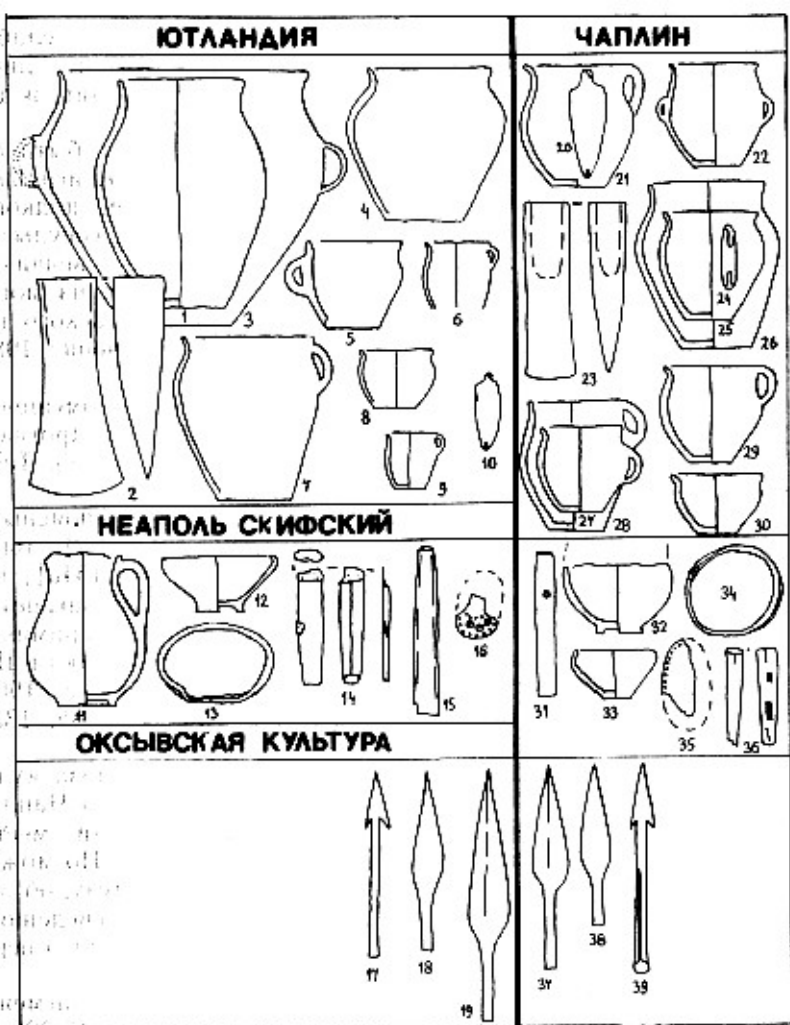

Рис. 9. Вещи позднескифского, ясторфского и оксывского происхождения и их аналоги

1, 8 — Гердинг, жил. II; 2, 5 — Ходде. 3 — Ходде. XLIV; 4 — Хвиндеруп; 6 — Реген; 7 — Ходде, жил. XVIII; 9 — Грентофт, жил. A; 10 — Кляйн Ворнов; 11—16 — Неаполь Скифский; 11 — мог. 75; 12, 14 — мог. 4; 13, 15 — мог. 54; 16 — мог. 34; 17—19 — оксывская культура: 17 — Варшково; 18 — Пулхлеб; 19 — Жатки; 20—39 — могильник Чаплин: 20 — п. 125; 21, 35 — п. 7; 22 — п. 147; 23—24 — п. 136; 25 — п. #18; 26, 37 — п. 36; 27 — п. 144; 28 — п. 233; 29 — п. 235; 30 — п. 75; 31 — п. 261; 32 — п. 58; 33 — п. 259; 34 — п. 222; 36 — п. 77; 38 — п. 134; 39 — п. 189

они принадлежат к германским племенам, живущим около Северного Океана, как свидетельствуют их огромный рост, голубые глаза, а также то, что кимврами германцы называют разбойников*. Но некоторые утверждают, будто земля кельтов так ве-

лика и обширна, что от Внешнего моря и самых северных областей обитаемого мира простирается на восток до Меотиды и граничит со Скифией Понтийской. Здесь кельты и скифы смешиваются и отсюда начинается их передвижение; и они не стремятся пройти весь свой путь за один поход и не кочуют непрерывно, но, каждое лето снимаясь с места, продвигаются все дальше и дальше и уже долгое время ведут войны по всему матеруку. И хотя каждая часть племени носит свое имя, все войско носит общее имя — кельтоскифы. (2) Третьи же говорили, что киммерийцы, знакомые в старину грекам, составляли только небольшую часть племени, ибо это были лишь предводимые неким Лигдамидом мятежники и беглецы, которых скифы вынудили переселиться с берегов Меотиды в Азию, (1) а что самая большая и воинственная часть киммерийцев живет у Внешнего моря, в стране столь лесистой, что солнце там никогда не проникает сквозь чаши высоких деревьев, простирающихся до самого Герцинского леса. Небо в тех краях таково, что полюс стоит чрезвычайно высоко и вследствие склонения параллелей почти совпадает с зенитом, а дни и ночи — равной длины и делят год на две части» [Plut., Mag., XI].

Если пласт сведений (1) содержит более или менее реальные данные о кельтоскифах и кимврах, то второй пересказывает фантастическую версию о родстве киммерийцев и кимвров. Именно второй пласт сведений и послужил, вероятно, причиной того, что М. И. Ростовцев в свое время считал кельтоскифов и кельтиберов созданием фантазии Посидония [М. И. Ростовцев 1925, с. 39—40]. Реальность существования кельтиберов сейчас уже не вызывает сомнений (историю вопроса и библиографию см. [А. Л. Монгайт 1974, с. 292—309]). В то же время данные о кельтоскифах и кимврах на берегах Меотиды до сих пор кажутся фантастическими. Вместе с тем, если отнести отождествление киммерийцев и кимвров за счет бытовавшей в античное время традиции удревления описываемых народов и учесть, что Посидоний в передаче Страбона пытался смягчить это явно режущее слух отождествление с помощью «народной этимологии» («Посидоний... недурно предполагает, что кимвры, будучи разбойниками и кочевниками, совершали походы даже до местностей по Меотиде и что от них-то получил название Киммерийский Боспор, то есть как бы Кимврийский, ибо греки называли кимвров киммерийцами» [Strabo, VII,22]), то в сообщении Посидония можно попытаться отыскать зерно истины.

Страбон сообщает: «Посидоний был другом Помпея, совершившего поход против иверов и албанцев до морей, находящихся по обе стороны их, то есть Каспийского и Колхидского» [Strabo, XI, 1]. Если «кельтоскифский» пласт сведений Посидония отнести к промежутку между 145 г. до н. э., которым начиналась его «История» в 52-х книгах, и 120-ми гг. до н. э., когда кимвры действуют уже далеко на западе, то окажется, что Посидоний

мог получить сведения о кельтскифах от Помпея приблизительно через полвека после описываемых событий, так как поход состоялся в 66-65 гг. до н. э. Он был направлен против союзников Митридата Евлатора, следовательно, непосредственно затрагивал и скифов, поддерживавших понтийских царей вплоть до 63 г. до н. э. Скифы тоже были врагами Рима, а своих врагов полководец Помпей должен был знать хорошо.

Почему же Посидоний отождествил кимвров и кельтоскифов? Ведь после 120-х гг. до н. э. кимвры уже были хорошо известны римлянам, и ни один античный источник не называет их ни кельтами, ни скифами. Самое интересное — то, что Посидоний не отождествляет кимвров с германцами, как это делают все более поздние источники, в частности, Плутарх в предисловии к отрывку из Посидония. Здесь можно предложить следующее объяснение. Термин «германцы» был использован уже самим Посидонием, но не в собирательном значении, а по отношению к племени, живущему на левом берегу Рейна. Собирательным этот термин стал лишь после восстания Спартака, а окончательное его значение как общего названия группы северных варваров утвердилось лишь во времена Тацита [К. Godłowski 1977, s. 18]. В то же время доказано, что существовала обширная группа племен «между кельтами и германцами» [R. Hachmann, G. Kossack, H. Kühn 1962], сочетающая в себе черты как одних, так и других варваров. Судя по всему, к таким «промежуточным» племенам и следует отнести кимвров Посидония, как и предшествующих им бастарнов, которых античные источники называли то кельтами, то германцами, а то и вовсе фракийцами [R. Vulpe 1955, p. 14]. Связь кимвров с кельтами в таком случае становится объяснимой. Сложнее обстоит дело с объяснением связи кимвров со скифами.

Географическое расположение Кельтики, описанное Посидонием, согласуется с реальностью второй половины II — начала I в. до н. э. только в том случае, если под «Кельтикой» понимать не только территорию, занятую собственно кельтами, но и территорию племен, подвергшихся сильному кельтскому влиянию, то есть носителей латенизированных культур позднего предримского времени — оксывской, пшеворской и зарубинецкой, которая действительно тянется от «Внешнего» моря в сторону Меотиды. Но где же могло произойти смешение «кельтов» со скифами? Если в могильнике Чаплин позднескифские элементы прослеживаются достаточно четко, то этого нельзя сказать о зарубинецких могильниках Среднего Поднепровья. Относить кельто-скифское смешение на счет непосредственного территориального контакта зарубинецкой и позднескифской культур вряд ли правомерно еще и потому, что все время существования зарубинецкой культуры от поздних скифов ее отделяют сарматы [К. Ф. Смирнов 1984, рис. 28].

Здесь следует обратить внимание на еще одно сообщение

Страбона, относящееся к рубежу II-I вв. до н. э.: «Все эти племена (скифы и сарматы) и племена бастарнов смешались как с теми фракийцами, которые живут по ту сторону Истра, так и с теми, которые живут по эту сторону реки» [Strabo, VII,3,4]. Это сообщение может быть поставлено в один ряд с сообщением о смешении кельтов и скифов у Меотиды. По сути дела, оба автора свидетельствуют об одном и том же явлении, происходившем в Северном Причерноморье, но на противоположных его концах: Страбон — на западном, Посидоний — на восточном. Реальность существования кельтоскифов Посидония оказывается более чем вероятной: по-видимому, это та часть поздних скифов, которая была вовлечена в орбиту понтийской политики и подверглась сильному влиянию со стороны кельтских и кельтизированных членов союза, созданного под эгидой Митридата Евпатора [Е. А. Молев 1974; 1974а] — то есть галатов Малой Азии, скир-дисков Подунавья и бастарнов. Быть может, и «кельтоскифов», а не только наемников-галатов изображают боспорские террако-товые статуэтки всадников с овальными кельтскими щитами [В. И. Пругло 1966]?

Кроме этих статуэток, в Северном Причерноморье, на скифских и сарматских памятниках «вокруг Меотиды» обнаружено большое количество латенских импортов II—первой половины I в. до н. э. [Z. Woźniak 1974]. На позднескифских памятниках найдена и керамика латенизированных культур — зарубинецкой [Э. А. Сымонович 1978] и поянешти-лукашевской [В. П. Петров 1961], кстати, весьма трудно отличимая одна от другой. Все эти находки достаточно отчетливо свидетельствуют если не о смешении, то, по крайней мере, о весьма оживленных контактах поздних скифов с кельтским и кельтизированным миром. Видимо, не осталось совсем в стороне от этих контактов и население зарубинецкой культуры: достаточно вспомнить позднескифские элементы в Чаплине. Если считать их обратной связью кельтоскифского смешения на восточной оконечности Кельтики Посидония, то путь кимвров, ставших впоследствии «кельтоскифами», от «Внешнего моря», из Ютландии, к берегам Меотиды, который маркируется кругом аналогов вещам из мужских погребений Чаплина, вряд ли прошел мимо Верхнего Поднепровья.

Суммируя результаты исследования хронологии могильника Чаплин, можно выделить основные выводы, к которым пришли авторы.

Первое: могильник начал использоваться позже самых ранних могильников зарубинецкой культуры, вероятно, около середины или конца II в. до н. э. *Второе:* женские погребения могильника практически не отличимы от женских погребений могильников других вариантов культуры. *Третье:* мужские погребения резко отличаются от женских и от мужских погребений других могильников. Это погребения воинов, в которых довольно ощутимы позднескифский, оксывский и ясторфский компоненты.

Четвертое: появление таких погребений в Верхнем Поднепровье может быть связано с передвижениями кимвров-кельтоскифов, помещаемых Посидонием на берегах Меотиды около 145-120 гг. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР//САИ. 1966. Вып. Д1-30.
- Галанина Л. К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга)//САИ. 1977. Вып. Д1-33.
- Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре//МИА. 1954. № 36.
- Ерёмко В. Е. Поморская культура, кельты в южной Польше и поморская версия сложения латенизированных культур//Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. Тез. докл. IV конф. молодых ученых. М., 1988.
- Ерёмко В. Е. Археологическая карта милоградской культуры//Славяне: этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования) Л., 1989.
- Каспарова К. В. О фибулах зарубицкого типа//АСГЭ. 1977. Вып. 18.
- Каспарова К. В. Хронология зарубицкой культуры Припятского Полесья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1981.
- Каспарова К. В. Зарубицкая культура в хронологической системе культур эпохи латена//АСГЭ. 1984. Вып. 25.
- Каспарова К. В. Поздняя фаза зарубицких могильников//Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.
- Каспарова К. В., Мачицкий Д. А., Шукан М. Б. (ред.) Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1971, 1973, 1974//СА. 1976. № 4.
- Кухаренко Ю. В. Чаплинский могильник//МИА. 1959. № 70.
- Кухаренко Ю. В. Памятники железного века на территории Полесья//САИ. М., 1961. Вып. Д1-29.
- Кухаренко Ю. В. Зарубицкая культура//САИ. М., 1964. Вып. Д1-19.
- Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. т. I. Пб., 1904.
- Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии. Минск., 1978.
- Молев Е. А. Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы. Саратов., 1974.
- Молев Е. А. Установление власти Митридата Евпатора на Боспоре//Античный мир и археология. Саратов, 1974. Вып. 2.
- Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974.
- Обломский А. М. О хронологии некоторых типов фибул зарубицкой культуры//СА. 1983. № 1.
- Обломский А. М. Верхнеднепровский вариант зарубицкой культуры. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1983а.
- Обломский А. М. Проблема происхождения верхнеднепровского варианта зарубицкой культуры//Тезисы докладов советской делегации на V Международном Конгрессе славянской археологии. М., 1985.
- Обломский А. М. Классификация керамики верхнеднепровского варианта зарубицкой культуры (по материалам Чаплинского могильника)//СА. 1985. № 1.
- Обломский А. М. Опыт классификации и хронологии фибул с треугольным шитком на ножке (так называемых зарубицких)//КСИА. 1986. Вып. 186.
- Пачкова С. П. Фибулы зарубицкого типа//Археология. 1988. Вып. 62.
- Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии. Ранний этап зарубицкой культуры. Минск, 1971.
- Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1973.
- Прудло В. И. Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов//Культура античного мира. М., 1966.

- Петров В. И.* До питання про лину кераміку з городищ Нижнього Подніпров'я II ст. до н. е. — II ст. н. е. // АП УРСР. 1961. Т. X.
- Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Петроград, 1925.
- Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
- Сымонович Э. А.* Посуда зарубинецкого типа из Николаевского могильника на Нижнем Днепре // Вопросы Древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
- Сымонович Э. А.* Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983.
- Шадыро В. И.* Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск, 1985.
- Шукин М. Б.* Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени (к методике историко-археологических сопоставлений) // АСГЭ. Вып. 31. (В печати).
- Шукин М. Б., Ерёмко В. Е.* Современное состояние хронологии латена и позднего предримского времени // АСГЭ. Вып. 33. (В печати).
- Archeologické nálezy a nálezy na Slovensku v rokoch 1978.* Nitra, 1980.
- Becker C. J.* Forrömersk jernalder i Syd- og Midtjylland // Nationalmuseets Skrifter. Store beretninger VI. København, 1961.
- Filip J.* Keltové ve střední Evropě. Praha, 1956.
- Godzowski K.* Okres lateński w Europie. Kraków, 1977.
- Hachmann R.* Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit // BRGK. 1961. Bd. 41.
- Hachmann R., Kossack G., Kühn H.* Völker zwischen Germanen und Kelten. Neumünster, 1962.
- Hvass St.* Hødd // Arkæologiske Studier. 1985. T. VII.
- Keiling H.* Die vorrömische Eisenzeit im Elde-Karthane Gebiet // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte der Bezirke Rostock, Schwerin und Neubrandenburg. 1969. Bd. 3.
- Kostrzewski J.* Die ostgermanische Kultur im der Spätlatenezeit. Leipzig, 1919.
- Marič Z.* Japodske nekropole u dolini Une // Glasnik Zemaljskog Muzeja u Sarajevu. Archeologija N. S. 1968. T. 23.
- Shchukin M. B., Eremenko V. E.* Zur Frage der Datierung keltischer Altertümer in Transkarpatengebiet der Ukraine und einige Probleme der Latène — Chronologie // AAC. (im Druck).
- Shchukin M. B.* Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe 1st Century B. C. — 1st Century A. D. // Act. Internat. Ser. 1989. N 542.
- Vulpe P.* Le problème des bastarnes à la lumière des découvertes archéologiques en Moldavie. București, 1955.
- Waldhauser J.* Keltische Grabfelder in Böhmen // BRGK. 1987. Bd. 68—
- Wolfgangiewicz R. a M. D.* Uzbrojenie ludności Pomorza Zachodniego u progu n. e. // Materiały Zachodnio-Pomorskie. 1963. T. IX.
- Woźniak Z.* Osadnictwo celtyckie w Polsce. Wrocław etc., 1970.
- Woźniak Z.* Wschodnie pogranicze kultury lateńskiej. Wrocław etc., 1974.
- Woźniak Z.* Chronologia młodszej fazy kultury pomorskiej w świetle importów i naśladownictw zabytków pochodzenia południowego // Problemy kultury pomorskiej. Koszalin, 1979.